

И еще одинъ мелочной фактъ вдругъ поразилъ ее: въ послѣдній разъ, когда Петръ Николаевичъ уѣзжалъ, онъ былъ въ отлучкѣ четыре дня, а когда онъ вернулся, онъ положительно имѣлъ видъ человѣка, еще не вполне отрезвившагося, значить, онъ былъ на какой-нибудь пирушкѣ.

Вѣру Андреевну тоже внезапно будто уязвила его манера вѣчно твердить ей, что она больна, что всякое волненіе ей вредно, что она должна беречь себя, заботиться о своемъ покоѣ, не раздражать своихъ нервъ.

Ядъ словъ Анны проникъ въ мозгъ Вѣры Андреевны и огнемъ разливался по ея жиламъ. Быстрымъ пожаромъ вспыхнуло въ ней подозрѣніе, обращая въ неопровержимое доказательство каждый ничтожный и пустой случай обыденной жизни. Разумъ и логика возставали, но инстинктивное подозрѣніе брало верхъ и комкало какъ мягкій воскъ чуткое сердце Вѣры Андреевны. То вызывало оно воспоминаніе о какой-нибудь тяжелой минутѣ, то представляло печальную, но возможную картину будущаго. Умъ отказывался вѣрить и убаюкивалъ себя воспоминаніями о счастливо прожитыхъ годахъ, но буря снова поднималась съ самаго дна души и бушевала, грозя чѣмъ-то мрачно-наступающимъ и неотвратимымъ... Безсилъно опустили руки и голова покорно склонилась...

Молча шла Вѣра Андреевна домой. Односложно и разсѣянно отвѣчала она на вопросы дѣтей, но въ своемъ младенческомъ эгоизмѣ никто изъ нихъ не замѣтилъ, что мама не такая, какъ всегда.

— Ты устала, Вѣра? — прійдя домой, сказала Александра Ивановна: — лягъ на кушетку.

— Мама, неужели это возможно?

— Что, другъ мой?

— Неужели Петя...

— Про что ворона накаркала? — въ негодованіи воскликнула Александра Ивановна: — постой, ужъ я ее допеку!

— Не надо, мама, она въ Парижъ уѣдетъ... тамъ Петя...

— Развѣ боишься, что Петръ Николаевичъ въ Анну влюбится?

— Какъ знать!.. Меня Петя все въ инвалиды записать старается, да и правда, что грудь у меня часто какъ-то ноетъ...

— А ты рѣшишь, и поверни все по иному. Анну въ домъ не пускай, пусть идетъ, откуда пришла. Петру Николаевичу ѣздить одному въ Парижъ тоже не позволяй. Это твое право...

— Такъ нельзя, мама, — и Вѣра Андреевна досадливо повернулась.